

МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ ПРЕДМЕТЫ ИЗ РАСКОПОК НА ИОАСАФОВСКОМ УЧАСТКЕ (ИЕРИХОН) НА ФОТОГРАФИИ 1880–1890-х ГОДОВ

© 2023 г. Л. А. Беляев^{1,*}, Л. А. Голофаст^{1,**}

¹Институт археологии РАН, Москва, Россия

*E-mail: labeliaev@bk.ru

**E-mail: larisa_golofast@mail.ru

Поступила в редакцию 03.04.2023 г.

После доработки 03.04.2023 г.

Принята к публикации 11.04.2023 г.

В конце XIX в. одним из русских фотографов были сняты предметы, собранные на участке, купленном отцом Иоасафом в 1883 г. Позже участок был передан Императорскому православному Палестинскому обществу (ИППО). Сейчас на нем располагается Музейно-парковый комплекс Российской Федерации. Анализ предметов из керамики на одной из фотографий был представлен ранее. В данной статье рассматривается второй снимок, на котором собраны предметы из бронзы и железа. Их анализ позволил определить литургический характер значительной части вещей: кандильницы на цепях, высоких подставок — канделябра для масляных светильников (3 экз.) и одного такого светильника; фрагмента сосуда для возлияний в виде собаки. Один показанный на фотографии предмет остался без атрибуции, несмотря на многочисленные консультации. В целом состав находок поддерживает нашу оценку участка как принадлежавшего христианской общине, возможно, монастыря или паломнического приюта.

Ключевые слова: археология, Сиро-Палестинский регион, литургические сосуды, Византия, Россия в Святой Земле.

DOI: 10.31857/S0869606323030066, **EDN:** UBZHDX

Настоящая статья посвящена атрибуции предметов, представленных на одной из двух фотографий “Палестинской коллекции” Государственного музея истории религии (ГМИР), инв. № П-1684 и П-1685 (см. Коллекция фотографий ИППО в ГМИР [Электронный ресурс]; Федотов, 2015). Она продолжает опубликованную ранее статью (Голофаст, Федотов, 2021), где представлена подробная история обеих фотографий, поэтому здесь на ней не останавливаемся. Скажем лишь, что находки собраны при работах на Иоасафовском участке еще в 1883–1884 гг. или получены Яковом Смирновым в 1891 г. при раскопках экспедиции Н.П. Кондакова. Съемка велась и в 1880-х годах (о. Антонин упоминал о привлеченном специалисте (“Сэм”) для фотографирования древностей в Иерихоне на русских участках); за фотосъемку раскопок 1891 г. отвечал известнейший фотограф памятников старины И.Ф. Баршевский. Наиболее вероятно, однако, что эти снимки сделаны по требованию Д.Д. Смышляева после завершения всех работ и в чаянии новых.

В предыдущей статье детально рассмотрен керамический материал на одной из двух фотогра-

фий. Вторая, где показаны находки из металла, была только представлена, но атрибуцию вещей мы отложили, чтобы закончить их проработку.

Сейчас актуальность статьи увеличена тем, что в 2022 г. эти металлические предметы выложили для обозрения на Александровском подворье в Иерусалиме. При этом их этикетки содержат неверные сведения о происхождении вещей: они отнесены к хорошо известным раскопкам, проводившимся на Подворье во второй половине XIX в. (см. о раскопках: Беляев и др., 2022). Эти металлические предметы мы видели в шкафах на Подворье в 2000-е годы, а в статье 2021 г. отметили, что их в наосе храма больше нет. Теперь они вновь выставлены и могут быть осмотрены любым посещающим Подворье. Ясно, что предотвратить введение в научный оборот ложных сведений о предметах — наша прямая обязанность.

На фотографии представлено 18 предметов, среди которых наиболее выделяются следующие: кандильница (рис. 1, 1), три подставки для масляных светильников (рис. 1, 2–4), круглый плоский предмет с ручкой для подвешивания (напоминает бронзовое зеркало) (рис. 1, 5), масляный светильник (рис. 1, 17), дверное кольцо с львиной маской

Рис. 1. Металлические предметы на фотографии “Иерихон. Сад Палестинского общества. Вещи, найденные на раскопках” (Гос. музей истории религии (ГМИР), № П-1684).

Fig. 1. Metal objects in the photograph “Jericho. The garden of the Palestinian Society. Items found during excavations”. (The State Museum of the History of Religions)

(рис. 1, 18), а также явно позднесредневековая гарда от сабли (рис. 1, 12). Большинство предметов бронзовые или медные, но гарда, конечно, из кованого железа.

Идентифицируем наиболее интересные предметы в соответствии с номерами, расставленными нами на фотографии.

Кадильница (рис. 1, 1) с полусферическим туловом, украшенным вертикальным рифлением, и тремя литыми петлями по краю относится к самому раннему типу предметов подобного рода. Курение ладана, которое ассоциировалось у ранних христиан с язычеством, в христианской Церкви разрешили только после *Pax Constantiana*, когда христианство было признано официальной религией Римской империи. Самые ранние источники (датируются концом IV в.), в которых кадило упоминается, — проповедь Иоанна Хризостома (около 347–407 гг.) об Евангелии от Матфея и письмо монахини Эгерии (Этерии, Сильвии) о паломничестве в Святую землю в 381–384 гг., где описана литургия в церкви Св. Воскресения в Иерусалиме: “...в пещеру Воскресения вносятся кадильницы, так что вся базилика Воскресения наполняется благоуханием ладана” (Подвижники благочестия..., 1994). Однако описанные обоими авторами предметы, скорее

всего, были настольными кадильницами, а не кадилами на цепях, которые появляются в Восточном Средиземноморье не ранее VI в. Именно этим временем датируются самые ранние комплексы с такими кадилами и мозаики с их изображениями.

Ранневизантийские кадила на цепях, найденные в Восточном Средиземноморье, как правило, небольшие, без декора или очень просто декорированные полусферические и шестигранные чаши на низком кольцевом поддоне или на ножке, но без крышки. Кадила, аналогичные попавшему на фотографию, не очень многочисленны. Большая их часть происходит с памятников, расположенных к западу от р. Иордан (Иерусалим, Иерихон, Бейт Шеан, Хорбат Бата (Carmiel) (Israeli, Mevorah, 2000. P. 98, 102; Vitto, 2016. P. 120), хотя их находки известны и на другом берегу Иордана, например, в Иппос/Суссите, где такое кадило обнаружено в слое разрушения 749 г. (Burdajewicz, Młynarczyk, 2006. С. 31, 33. Fig. 17С; Vitto, 2016. P. 120). Похожие экземпляры представлены также в коллекциях музеев Каира, Вены, Берлина, Парижа и Санкт-Петербурга, где местом их происхождения называют Египет (Vitto, 2016. P. 120). Аналогичное кадило, хотя и несколько более вытянутое по вертикали пропорций, было найдено на некрополе Сиракуз-Гроттичелли с византий-

Рис. 2. Кадило из коллекции архимандрита А. Капустина, хранящейся в монастыре Вознесения на Масличной горе в Иерусалиме.

Fig. 2. An incense burner from the collection of Archimandrite A. Kapustin kept in the Monastery of the Ascension on the Mount of Olives in Jerusalem

скими монетами 613 и 654 г. (Beghelli, Pinar Gil, 2013. S. 705. Fig. 3, 4). Точная аналогия капустинскому экземпляру происходит из Царчейской крепости на юге Абхазии (Khreshkova, 2018. P. 63, 64. Fig. 9, 10).

Отметим, что в коллекции А. Капустина было два кадила рассматриваемого типа. Одно из них, лучше сохранившееся, хранится в монастыре Вознесения на Масличной горе в Иерусалиме (рис. 2). От представленного на фотографии его отличают более глубокое рифление и наличие трех держателей, каждый из которых состоит из двух отрезков круглой в сечении проволоки, соединенных друг с другом звеньями в форме восьмерки. Не исключено, что вверху они крепились к трехлопастному держателю с петлей для цепи в верхней части и ушками для цепочек, за которые подвешивались лампы, под каждой лопастью, аналогичному изображенному на фотографии (рис. 1, 10). Подобные держатели хорошо известны по раскопкам многих центров византийского мира, в частности в Херсонесе (Белов, Яковсон, 1953. Рис. 31а; Голофаст и др., 1991. С. 33, 210. № 18, 225; Залеская, 2006. С. 139, 140. № 267). В.Н. Залеская относит подобные изделия к Восточному Средиземноморью и датирует VI в. В Палестине после VII в. они неизвестны (см. Tchekhanovets, 2018. P. 226–233), однако в Причерноморье присутствуют в комплексах вплоть до XIII в. включительно (Белов, Яковсон, 1953. С. 139; Голофаст и др., 1991. С. 210), что говорит об их долгом бытовании.

Меньше всего вопросов вызывают **подставки для светильников** со стержнем для установки лампы, хорошо известные в античной, а затем и в ви-

зантийской традиции. На фотографии мы видим три подставки (рис. 1, 2–4) с разной профилировкой высоких ножек, разным устройством трипода, а также несколько отличающиеся по высоте и толщине (на фотографии нет масштаба, поэтому предложить размеры в сантиметрах трудно). Самым высоким и толстым выглядит штوك подставки № 3, поменьше — № 2, самый грацильный и несколько уступающий по высоте — № 4. Профилировка всех трех близка к точеной балясине: у № 2 расширение ножки оплывшее, а перехваты не симметричные; внизу широкая “юбочка”, прикрывающая верх трипода; у № 3 расширение и перехваты (по три внизу и вверху) почти симметричны; у № 4 штук уже, перехваты согнаны к его концам, а верх оформлен не площадкой, а воронкой. Ножки трипода у № 3 и 4 декорированы выступающими на поверхности украшениями.

Несмотря на то что за последнюю четверть века такие подставки-канделябры и неразрывно связанные с ними (функционально и художественно) лампы стали предметом множества исследований и музейных каталогов, причем довольно часто они происходят из хорошо изученных коптских могильников (прежде всего в Нижнем Египте), детальной хронологии пока нет. В образцовом и очень полном для своего времени каталоге Марии Ксантопулу господствуют широкие даты в пределах от одного до трех веков (что, конечно, шаг вперед по сравнению с туманным определением “коптское время” многих публикаций XIX–XX вв.). Согласно этому каталогу аналоги наших канделябров датируются V–VI вв., некоторые имеют прямые соответствия в середине V в., но это не значит, что границы бытования не захватывают и последующее столетие или даже столетия (ср. типы, родственные LA 3/170; часть класса CD 1 (002–007) и, фактически, весь класс CD 2 по Ксантопулу: Xanthoroulou, 2010. P. 232–278). Не исключено, что некоторые плохо различимые на фото предметы (рис. 1, 7–10) представляют собой фрагменты крышек ламп или ножек-подставок канделябров.

Кстати напомнить здесь о лампе из раскопок 2010 г. с огромным резервуаром (300 г масла) и развитой спиралевидной литой ручкой (Беляев, 2016. С. 293, 295; там же литература). Ее тип (LA 3. 196–201) каталог Ксантопулу относит к V–VI вв., также датируя некоторые экземпляры чуть раньше — V в. (Xanthoroulou, 2010. P. 12. Fig. 23–25, 142–147 и др.).

На изучаемом фото мы видим еще один **бронзовый светильник** явно гораздо меньшего размера (рис. 1, 17), с высокой ручкой. К сожалению, он развернут так, что ручка видна в профиль, поэтому ее форма не определяется. Как правило, подобные ручки оформляли в виде креста, меноры или листика. Датируют их, как правило,

Рис. 3. Бронзовые сосуды с фигурками животных. 1 – бутылочка из клада VI–VII вв., найденного в одной из церквей в Негеве (по: Golan et al., 2017. Fig. 7); 2 – ручки кувшинов из Бургильо (Испания) и Будакалас (Венгрия) (по: Beghelli, Pinar Gil, 2019. Fig. 10, 3, 4); 3 – деталь кувшина из клада бронзовых изделий, найденного в Морбелло (провинция Алессандрия, северо-запад Италии). VIII в. (по: Beghelli, Pinar Gil, 2019. Fig. 6, 1).

Fig. 3. Bronze vessels with animal figurines

VI–VII вв. (Menzel, 1954. P. 106, 112. Abb. 92, 4; Baily, 1996. P. 76. Pl. 88, 3824) или V–VII вв. (тип LA 3 по Ксантопулу: Xanthopoulou, 2010. P. 6).

Кроме светильника, камины и подставок под лампы на фотографии можно идентифицировать, несмотря на ее размытость, и часть ручки кувшина – **литую фигурку** существа на четырех лапах (рис. 1, 13). Ее очертания напоминают изображения животных, украшавших ручки бронзовых кувшинов VIII–первой половины IX в. (рис. 3, 2, 3) (Beghelli, Pinar Gil, 2019. P. 276, 280. Fig. 6, 1). Они могли и сами служить ручками, как на небольшой бронзовой бутылочке из клада VI–VII вв., найденного в одной из церквей в Негеве (рис. 3, 1) (Golan et al., 2017. P. 124. Fig. 7). Отметим, что такие сосуды использовали в ходе литургии.

Как правило, производство кувшинов с подобного рода ручками приписывают египетским мастерским (Beghelli, Pinar Gil, 2019. P. 285). Но исследователи отмечали, что их могли производить не только в Египте, но и на Балканах (Schwartz, 1958), в Италии (Pégin, 2005) и Леванте (Mundell Mango, 2001. P. 93–95; 2009. P. 230, 231). Предлагается использовать применительно к ним и более общий термин “византийские”. Датируются такие кувшины концом VII – началом IX в. (Beghelli, Pinar Gil, 2019. P. 285).

Дугообразные ручки (рис. 1, 15, 16), скорее всего, принадлежали открытым сосудам. Литые сплошные горизонтальные ручки разных размеров (31 экз.) найдены между сосудами в кладах металлических изделий фатимидского времени в Твери (Khamis, 2013. P. 91, 92). Как правило, они округлые в сечении, реже полигональные, имеют окончания в форме листьев, концы которых на-

правлены в противоположные стороны. По фотографии трудно определить сечение ручек, но они производят впечатление уплощенных прямоугольных в сечении. На одной из них, видимо, сохранилось листовидное основание (рис. 1, 16). Как правило, такие ручки находят отдельно, поскольку тонкие стенки сосудов сохраняются гораздо хуже сплошного литья. На нижней поверхности некоторых экземпляров из упомянутого фатимидского клада имеются следы пайки. Закрытых сосудов с аналогичными следами там нет, что заставило автора сделать вывод о том, что ручки принадлежали открытым сосудам типа подносов, блюд или кухонных горшков. Похожие ручки имела хорошо известная тарелка Александра из Северного Ирана, датирующаяся первой половиной XII в. По мнению Э. Хамиса, такие ручки продолжают линию античных ручек с основаниями в форме листа аканфа, головы лебедя или змеи, резе руки или простого диска. Форма таких ручек традиционна и мало менялась с течением времени. Их используют до сих пор (обширный список находок аналогичных ручек, включающий Цезарею Приморскую, Йокнеам, Нишапур, Хаму, Коринф, см. Khamis, 2013. P. 92).

“Дверное кольцо” с львиной маской (рис. 1, 18) кажется сравнительно легко определить функционально, поскольку подобные изделия широко распространены по всему Средиземноморью и, позже, вообще в Европе. Они восходят к античной традиции, сохраненной в средние века и активизированной Ренессансом (см. Meyer, 1964; Kurz, 1972). Львиные маски на дверях появились в Древней Греции (Kurz, 1972. P. 23, 41; Weber, 1989. P. 57–60; Künzl, 2003. P. 308), унаследованы римской культурой и сохранилась у христиан (см. работы У. Менде, известного специалиста по убранству дверей в Европе: Mende, 1981. P. 134–136; 2003; сюжет недавно заново разобран Ренатой Розенталь-Хегинботтом, см. Rosenthal-Heginbottom, 2022).

Символика львиной маски с оскаленными зубами ярко демонстрировала защитный магический характер и распространилась столь широко, что стала полиэтнической и внеконфессиональной. Останавливаться на этом не имеет смысла.

Но словосочетание “дверное кольцо” взято нами в кавычки не случайно. Такие кольца использовали в античный и средневековый периоды, в том числе как ручки каменных дверей гробниц и реальных деревянных гробов, изображения таких ручек известны на саркофагах и ваннах, на светильниках из глины и бронзы и на других предметах. Позже они войдут в ассортимент дверных молотков, поэтому в ранней европейской литературе встречается и такая, явно ошибочная по отношению к периодам до эпохи Модерна, дефиниция.

Определить тип и сузить дату изделия достаточно сложно. В пространстве Палестины известны как маски-ручки античного периода (маска с кольцом из Музея Израиля датирована II в. н.э. и действительно доносит отголоски классического реализма), так и византийские. Последние происходят из несомненно христианских комплексов, где попадаются в близком соседстве с ручками в виде крестов. В Бейт-Шеане/Скифополе еще в 1920-х годах был собран именно такой комплекс V–VI вв., в состав которого входили как три ручки со львами, так и кольца с крестообразными подкладками. Следовательно, мотив усвоили христиане Леванта; он зафиксирован наряду с мотивом креста в Медве (Мадабе), Иерусалиме, монастыре Св. Екатерины на Синае (Rosenthal-Heginbottom, 2022).

Следует отметить, что дверное кольцо № 18 не похоже ни на один из приведенных примеров. Его отличает, во-первых, такой очевидный признак, как обрамление круга, составленное из довольно крупных и рельефных “жемчужин” (наиболее распространенные приемы другие – гладкие или профилированные, иногда изобразительные и геометрические мотивы, лучи и т.п.). Во-вторых – упрощенная, но сильно артикулированная грива, напоминающая лепестки подсолнуха. Затем глаза в виде небольших выпуклых точек с отверстием в центре. Остальные элементы выражены в рельефе слабее, но каждый акцентирован.

В стилевом отношении маскарон отличается от позднеантичных образцов VI–VII вв. н.э. (примером могут служить названные выше ручки II в. н.э. из Музея Израиля, V–VII вв. из Бейт-Шеана и ручка VI в. из Херсонеса (Голофаст и др., 1991. С. 34. № 19; Яшаева и др., 2011. С. 248, 537). Ручки дверей эпохи средневековья в Европе отличаются от восточных еще больше (хорошая серия приведена в статье о ручках из Лувра, происходящих из Сен-Жермен де Пре XI–XII вв., см. Gebogit-Chorpin, 1999. № 3). По-видимому, ручка из Иерихона сделана не в новое время и не в позднее средневековье, но это и не античная вещь. Скорее ее следует отнести к местным версиям VI–VIII вв.

Загадкой для нас остается предмет в виде круга (вероятно, не менее 30 см) с линией “жемчужин” по краю, большой (более двух третей диаметра), но неглубокой емкостью в центральной части, который соединен с плоской и широкой ручкой, расширяющейся от круга (она видна в сильном ракурсе, и установить истинную пропорцию трудно), на конце которой – кольцо, вероятно, для подвешивания (рис. 1, 5). Сейчас предмет выставлен уже разломанным на части, в составе других вещей на Александровском подворье в Иерусалиме. Это позволяет оценить его общий диаметр близким к 40–45 см. Нам неизвестны ни его дата, ни функция. Попытки отождествить объект

с римским зеркалом или патерой результата не дали — так же, как обращение за консультацией к ряду известных специалистов по римскому и византийскому прикладному искусству. Надеемся, публикация этой статьи продвинет работу.

В целом, однако, разбор фотографии существенно обогатил и уточнил наши представления об археологическом контексте участка Музейно-паркового комплекса в Иерихоне — вернее, той его части, которая связана со статусными постройками. Кадильница, подставки-канделябры, светильник, фрагмент литургического сосуда-кувшинчика, а возможно, и менее ясно входящие в состав церковных сосудов изделия упрочили нашу оценку участка как не просто христианского, но храмового и, вероятно, монастырского, паломнического комплекса. Увереннее звучит и дата его постройки — конец V—VI в. (то, что комплекс жил достаточно долго и мог погибнуть через одно-два столетия, дела не меняет). Дальнейший анализ собранных материалов и возможное развитие раскопок, конечно, дадут новые аргументы — так же, как их предложит общее развитие знаний о мире вещей византийского периода в Палестине.

Исследование выполнено по НИОКТР 122071100011-4 “Древности “русских участков” на Святой Земле: история исследований и современная археология” (Л. А. Беляев).

Работа выполнена в рамках темы “Причерноморская и Центральноазиатская периферия античного мира и кочевнические сообщества Евразии: на перекрестке культур и цивилизаций” (номер ЕГИСУ НИОКТР 122011200269-4) (Л.А. Голофаст).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Белов Г.Д., Якобсон А.Л. Квартал XVII (раскопки 1940 г.) // Археологические памятники юго-западного Крыма (Херсонес, Мангуп) / Отв. ред. Е.Ч. Скржинская. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953 (Материалы и исследования по археологии СССР; № 34). С. 109—159.
- Беляев Л.А. Византийский Иерихон. Раскопки спустя столетие. М.: Индрик, 2016. 500 с.
- Беляев Л.А., Вах К.А., Чехановец Я. Русские раскопки у храма Воскресения в Иерусалиме: источники, дискуссии, современная интерпретация. М.: Индрик, 2022. 868 с.
- Голофаст Л.А., Романчук А.И., Рыжов С.Г., Антонова И.А. Византийский Херсон: каталог выставки. М.: Наука, 1991. 256 с.
- Голофаст Л.А., Федотов П.В. Внутрь старой фотографии: находки в Иерихоне на снимках 1880—1890-х годов // Российская археология. 2021. № 3. С. 130—140.
- Залеская В.Н. Памятники византийского прикладного искусства IV—VII вв.: каталог коллекции. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2006. 272 с.
- Коллекция фотографий Императорского Православного Палестинского Общества из собрания Государственного музея истории религии: альбом. М.: Вече, 2017. 191 с.: ил.
- Подвижники благочестия, процветавшие на Синайской горе и в ее окрестностях. К источнику воды живой: письма паломницы IV в. / Пер. и коммент. Н.С. Марковой-Помазанской. М.: Паломник, 1994. 220 с.
- Федотов П.В. Ближний Восток в снимках конца XIX — начала XX века: обзор фотографий из “Палестинской коллекции” ГМИР // Иерусалимский православный семинар. 2015. Вып. 6. С. 177—200.
- Яшаева Т., Денисова Е., Гинькут Н., Залеская В., Журавлев Д. Наследие византийского Херсона. Севастополь; Остин: Телескоп, 2011. 702 с.
- Bailey D.B. A Catalogue of the Lamps in the British Museum. IV. Lamps of Metal and Stone, and Lampstands. London: British Museum Press, 1996. 192 p.
- Beghelli M., Pinar Gil J. Corredo e arredo liturgico nelle chiese tra VIII e IX secolo. Suppellettili antiche e moderne, locali e importate tra archeologia, fonti scritte e fonti iconografiche // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz. 2013. 60. S. 697—762.
- Beghelli M., Pinar Gil J. Cast Bronze Vessels in the 6th—9th Centuries: Remarks on an Assemblage of Liturgical Implements Found at Morbollo (Prov. Alessandria, Piedmont / I) // Archäologisches Korrespondenzblatt. 2019. Jahrgang 49, Heft 2. S. 275—295.
- Burdajewicz M., Młynarczyk J. Elements of the Liturgical Furniture in an 8th—Century Church (NWC) in Hippos (Susita), Israel // Series Byzantina. 2006. 4. P. 9—37.
- Geborit-Chopin D. Le marteau de porte de Saint-Germain-des-Preis // Revue du Louvre. La revue des musées de France. 1999. № 3. P. 46—58.
- Golan K., Goldfus H., Mevorah D. Why Hide? — Hoarding in Late Antiquity in View of a Byzantine Hoard from Israel // Israel Museum Studies in Archaeology. 2017. V. 8 (2016—2017). P. 117—171.
- Israeli Y., Mevorah D. Cradle of Christianity. Jerusalem: Israel Museum, 2000. 232 p.
- Khamis E. The Fatimid Metalwork Hoard from Tiberias. Jerusalem: Institute of Archaeology, Hebrew University of Jerusalem, 2013 (Tiberias: Excavations in the House of the Bronzes: Final Report; vol. II) (Qedem; vol. 55). 440 p.
- Khrushkova L.G. Unpublished and Little-Known Late Antique and Byzantine Artifacts from the Easter Black Sea Region // Archaeologia Bulgarica. 2018. XXII, 2. P. 61—102.
- Künzl S. Löwen und Seeleopardinnen. Türzieher und Türgriffe von Ladenburg // Das römische Prunkportal von Ladenburg / Hrsg. E. Künzl, S. Künzl. Stuttgart: Konrad Theiss Verlag, 2003. P. 201—222.
- Kurz O. Lion-masks with Rings in the West and in the East // Scripta Hierosolymitana. 1972. 24. P. 22—41.
- Mende U. Die Türzieher des Mittelalters. Berlin: Deutscher Verlag für Kunstwissenschaft, 1981. 344 S.
- Mende U. Antikentradition mittelalterlicher Türen und Türbeschläge // Das römische Prunkportal von Ladenburg / Hrsg. E. Künzl, S. Künzl. Stuttgart: Konrad Theiss Verlag, 2003 (Forschungen und Berichte zur Vor-

- und Frühgeschichte in Baden-Württemberg; 94). S. 315–373.
- Meyer E.* Antike Türzieher // Festschrift Eugen v. Mercklin / Hrsg. E. HomannWedeking, B. Segall. Waldsassen: Stiftland Verlag, 1964. S. 80–89.
- Menzel H.* Antike Lampen im Römisch-Germanischen Zentralmuseum zu Mainz. Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseum, 1954. 119 S.
- Mundell Mango M.* Beyond the amphora: non-ceramic evidence for Late Antique industry and trade // Economy and exchange in the East Mediterranean during Late Antiquity / Eds. S. Kingsley, M. Decker. Oxford: Oxbow, 2001. P. 87–106.
- Mundell Mango M.* Tracking Byzantine silver and copper metalware, 4th–12th centuries // Byzantine trade, 4th–12th centuries. The archaeology of local, regional and international exchange / Ed. M. Mundell Mango. Farnham: Ashgate, 2009 (Publications of the Society for the Promotion of Byzantine Studies; 14). P. 221–236.
- Périn P.* La vaisselle de bronze dite “copte” dans les royaumes romano-germaniques d’Occident. État de la question // Antiquité Tardive. 2005. V. 13. P. 85–97.
- Rosenthal-Heginbottom R.* Swinging Handles / ‘Door Knockers’ from Nysa-Scythopolis // Cities, Monuments and Objects in the Roman and Byzantine Levant. Oxford: Archaeopress, 2022. P. 59–69.
- Schwartz J.* À propos d’ustensiles “coptes” trouvés en Europe occidentale // Bulletin de la Société d’Archéologie Copte. 1958. XIV (1950–1957). P. 51–58.
- Tchekhanovets Y.* Recycling the Glory of Byzantium. New Archaeological Evidence of Byzantine-Islamic Transition in Jerusalem // Studies in Late Antiquity. Summer. 2018. P. 215–237.
- Vitto F.* Swinging Thuribles in Early Byzantine Churches in the Holy Land // Восточнохристианское искусство. 2016. V. 6. С. 119–123.
- Weber T.* Syrisch-römische Sarkophagbeschläge. Orientalische Bronzewerkstätten in römischer Zeit Mainz: Philipp von Zabern, 1989 (Damaszener Forschungen; 2). 86 S.
- Xanthopoulou M.* Les lampes en bronze à l’époque paléochrétienne. Turnhout: Brepols, 2010 (Bibliothèque de l’antiquité tardive; 16). 320 p.

METAL OBJECTS FROM EXCAVATIONS AT THE JOASAPH SITE (JERICHO) IN A PHOTOGRAPH OF THE 1880–1890s

Leonid A. Belyaev^{a, #}, Larisa A. Golofast^{a, ##}

^aInstitute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

[#]E-mail: labeliaev@bk.ru

^{##}E-mail: larisa_golofast@mail.ru

At the end of the 19th century, one of the Russian photographers took pictures of items collected on the site which Father Joasaph bought in 1883. Later, the area was transferred to the Imperial Orthodox Palestine Society. Now it houses the Museum and Park Complex that belongs to the Russian Federation. An analysis of ceramic objects in one of the photographs was published earlier. This article discusses the second picture, which contains objects made of bronze and iron. Their analysis made it possible to identify the liturgical function of a significant part of the objects: an incense burner on chains, high stands – candelabra for oil lamps (3 items) and one such lamp; a fragment of a libation vessel shaped as a dog. One item shown in the photo remained unattributed despite numerous consultations. In general, the composition of the finds supports the authors’ assessment of the site as belonging to a Christian community, possibly a monastery or a pilgrimage home.

Keywords: archaeology, Syro-Palestine, liturgical vessels, Byzantium, Russia in the Holy Land.

REFERENCES

- Bailey D.B.*, 1996. A Catalogue of the Lamps in the British Museum. IV. Lamps of Metal and Stone, and Lampstands. London: British Museum Press. 192 p.
- Beghelli M., Pinar Gil J.*, 2013. Corredo e arredo liturgico nelle chiese tra VIII e IX secolo. Suppellettili antiche e moderne, locali e importate tra archeologia, fonti scritte e fonti iconografiche. *Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz*, 60, pp. 697–762.
- Beghelli M., Pinar Gil J.*, 2019. Cast Bronze Vessels in the 6th–9th Centuries: Remarks on an Assemblage of Liturgical Implements Found at Morbollo (Prov. Alessandria, Piedmont / I). *Archäologisches Korrespondenzblatt*, 49, iss. 2, pp. 275–295.
- Belov G.D., Yakobson A.L.*, 1953. Quarter XVII (excavations in 1940). *Arkheologicheskie pamyatniki yugo-zapadnogo Kryma (Khersones, Mangup) [Archaeological sites of the Southwestern Crimea (Chersonesos, Mangup)]*. E.Ch. Skrzhinskaya. Moscow; Leningrad: Izdatel’stvo Akademii nauk SSSR, pp. 109–159. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR, 34). (In Russ.)
- Belyaev L.A.*, 2016. Vizantiyskiy Ierikhon. Raskopki spustya stoletie [Byzantine Jericho. Excavations after a century]. Moscow: Indrik. 500 p.
- Belyaev L.A., Vakh K.A., Chekhanovets Ya.*, 2022. Russkie raskopki u khrama Voskreseniya v Ierusalime: istochniki, diskussii, sovremennaya interpretatsiya [Russian excavations near the Resurrection Church in Jerusalem:

- sources, discussions, modern interpretation]. Moscow: Indrik. 868 p.
- Burdajewicz M., Młynarczyk J.*, 2006. Elements of the Liturgical Furniture in an 8th–Century Church (NWC) in Hippos (Susita), Israel. *Series Byzantina*, 4, pp. 9–37.
- Fedotov P.V.*, 2015. The Near East in images of the late 19th – early 20th century: a review of photographs from the “Palestinian Collection” of the State Museum of the History of Religion. *Ierusalimskiy pravoslavnyy seminar [Jerusalem Orthodox seminar]*, 6, pp. 177–200. (In Russ.)
- Geborit-Chopin D.*, 1999. Le marteau de porte de Saint-Germain-des-Preis. *Revue du Louvre. La revue des musées de France*, 3. P. 46–58.
- Golan K., Goldfus H., Mevorah D.*, 2017. Why Hide? – Hoarding in Late Antiquity in View of a Byzantine Hoard from Israel. *Israel Museum Studies in Archaeology*, 8 (2016–2017), pp. 117–171.
- Golofast L.A., Fedotov P.V.*, 2021. Inside an old photo: Jericho finds on photographs of the 1880s–1890s. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]*, 3, pp. 130–140. (In Russ.)
- Golofast L.A., Romanchuk A.I., Ryzhov S.G., Antonova I.A.*, 1991. Vizantiyskiy Kherson: katalog vystavki [Byzantine Chersonesos: Exhibition catalogue]. Moscow: Nauka. 256 p.
- Israeli Y., Mevorah D.*, 2000. Cradle of Christianity. Jerusalem: Israel Museum. 232 p.
- Khamis E.*, 2013. The Fatimid Metalwork Hoard from Tiberias. Jerusalem: Institute of Archaeology, Hebrew University of Jerusalem. 440 p. (Tiberias: Excavations in the House of the Bronzes: Final Report, II) (*Qedem*, 55).
- Khrushkova L.G.*, 2018. Unpublished and Little-Known Late Antique and Byzantine Artifacts from the Eastern Black Sea Region. *Archaeologia Bulgarica*, XXII, 2, pp. 61–102.
- Kollektsiya fotografii Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo Obshchestva iz sobraniya Gosudarstvennogo muzeya istorii religii: al’bom [Collection of photographs of the Imperial Orthodox Palestinian Society from the collection of the State Museum of the History of Religion: Album]. Moscow: Veche, 2017. 191 p.: ill.
- Künzl S.*, 2003. Löwen und Seeleopardinnen. Türzieher und Türgriffe von Ladenburg. *Das römische Prunkportal von Ladenburg*. E. Künzl, S. Künzl, eds. Stuttgart: Konrad Theiss Verlag, pp. 201–222.
- Kurz O.*, 1972. Lion-masks with Rings in the West and in the East. *Scripta Hierosolymitana*, 24, pp. 22–41.
- Mende U.*, 1981. Die Türzieher des Mittelalters. Berlin: Deutscher Verlag für Kunstwissenschaft. 344 p.
- Mende U.*, 2003. Antikentradition mittelalterlicher Türen und Türbeschläge. *Das römische Prunkportal von Ladenburg*. E. Künzl, S. Künzl, eds. Stuttgart: Konrad Theiss Verlag, pp. 315–373. (Forschungen und Berichte zur Vor- und Frühgeschichte in Baden-Württemberg, 94).
- Menzel H.*, 1954. Antike Lampen im Römisch-Germanischen Zentralmuseum zu Mainz. Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseum. 119 p.
- Meyer E.*, 1964. Antike Türzieher. *Festschrift Eugen v. Mercklin*. E. HomannWedeking, B. Segall, eds. Waldsassen: Stiftland Verlag, pp. 80–89.
- Mundell Mango M.*, 2001. Beyond the amphora: non-ceramic evidence for Late Antique industry and trade. *Economy and exchange in the East Mediterranean during Late Antiquity*. S. Kingsley, M. Decker, eds. Oxford: Oxford, pp. 87–106.
- Mundell Mango M.*, 2009. Tracking Byzantine silver and copper metalware, 4th–12th centuries. *Byzantine trade, 4th–12th centuries. The archaeology of local, regional and international exchange*. M. Mundell Mango, ed. Farnham: Ashgate, pp. 221–236. (Publications of the Society for the Promotion of Byzantine Studies, 14).
- Périn P.*, 2005. La vaisselle de bronze dite “copte” dans les royaumes romano-germaniques d’Occident. État de la question. *Antiquité Tardive*, 13, pp. 85–97.
- Podvizhniki blagochestiya, protsvetavshie na Sinayskoy gore i v ee okrestnostyakh. K istochniku vody zhivoy: pis’ma palomnitsy IV v. [Devotees of piety who flourished on Mount Sinai and its environs. To the source of living water: letters of a pilgrim of the 4th century AD]. N.S. Markova-Pomazanskaya, ed., transl. Moscow: Palomnik, 1994. 220 p.
- Rosenthal-Heginbottom R.*, 2022. Swinging Handles / ‘Door Knockers’ from Nysa-Scythopolis. *Cities, Monuments and Objects in the Roman and Byzantine Levant*. Oxford: Archaeopress, pp. 59–69.
- Schwartz J.*, 1958. À propos d’ustensiles “coptes” trouvés en Europe occidentale. *Bulletin de la Société d’Archéologie Copte*, XIV (1950–1957), pp. 51–58.
- Tchekhanovets Y.*, 2018. Recycling the Glory of Byzantium. New Archaeological Evidence of Byzantine-Islamic Transition in Jerusalem. *Studies in Late Antiquity*, Summer, pp. 215–237.
- Vitto F.*, 2016. Swinging Thuribles in Early Byzantine Churches in the Holy Land. *Vostochnokhristianskoe iskusstvo [East Christian Art]*, 6, pp. 119–123.
- Weber T.*, 1989. Syrisch-römische Sarkophagbeschläge. Orientalische Bronzewerkstätten in römischer Zeit Mainz: Philipp von Zabern. 86 p. (Damaszener Forschungen, 2).
- Xanthopoulou M.*, 2010. Les lampes en bronze à l’époque paléochrétienne. Turnhout: Brepols. 320 p. (Bibliothèque de l’antiquité tardive, 16).
- Yashaeva T., Denisova E., Gin’kut N., Zalesskaya V., Zhuravlev D.*, 2011. Nasledie vizantiyskogo Khersona [Heritage of Byzantine Chersonesos]. Sevastopol’; Ostin: Teleoskop. 702 p.
- Zalesskaya V.N.*, 2006. Pamyatniki vizantiyskogo prikladnogo iskusstva IV–VII vv.: katalog kollektsii [Monuments of Byzantine applied art of the 4th–7th centuries AD: Collection catalogue]. St. Petersburg: Izdatel’stvo Gosudarstvennogo Ermitazha. 272 p.